

Андрей Николаевич Окара –

кандидат юридических наук, директор Центра восточноевропейских исследований, автор политико-идеологических проектов и исследований по футурологии, социальной философии и элитологии

Новая Восточная Европа

в XXI веке

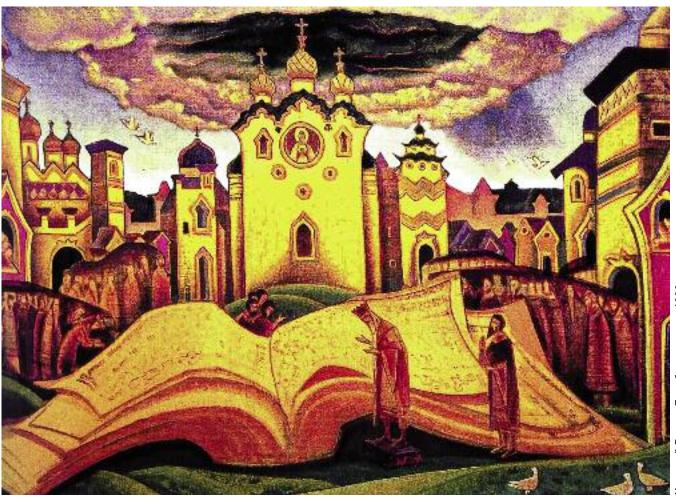
Способно ли византийское цивилизационное наследие изменить Россию и весь мир?

ередко византизм, под которым понимается преемственность духовной и политической культуры от Византийской империи, рассматривается как главная отличительная особенность российской политики и исторического пути России. Однако так ли универсален подобный византизм? Является ли он для России мотором, обеспечивающим движение вперед, или тормозом исторического развития? Источником

новых возможностей или опасной интеллектуальной ловушкой? Философским концептом или властным политтехнологическим приемом власти?

Попробуем осмыслить византизм и «восточнохристианскость» в русской общественно-политической мысли в категориях цивилизационной теории и соотнести их с цивилизационной идентичностью современной России. Очертим также географический ареал распространения подоб-

Даже самоназвание «русские» является не столько этнической или конфессиональной характеристикой народа, сколько подобием римско-византийского слова «ромеи», то есть римляне, византийцы (а не греки и не латиняне), люди общей судьбы, неотделимой от судьбы империи.

1иколай Рерих. Голубиная книга. 1922

ных понятий и определим их концептуальные, мобилизационные, интеграционные, мифотворческие и миростроительные возможности в настоящем и будущем.

Российский византизм против евразийства. панславизма и неокоммунизма

В российской историософской и общественно-политической мысли - с момента ее возникновения в Древней Руси и до настоящего времени - византийская тема, византийское наследие, византизм и сам образ Византии являются основополагающими конструкциями для выстраивания идентичности. Вплоть до того, что даже самоназвание «русские» является не столько этнической или конфессиональной характеристикой народа, сколько подобием римско-византийского слова «ромеи», то есть римляне, византийцы (а

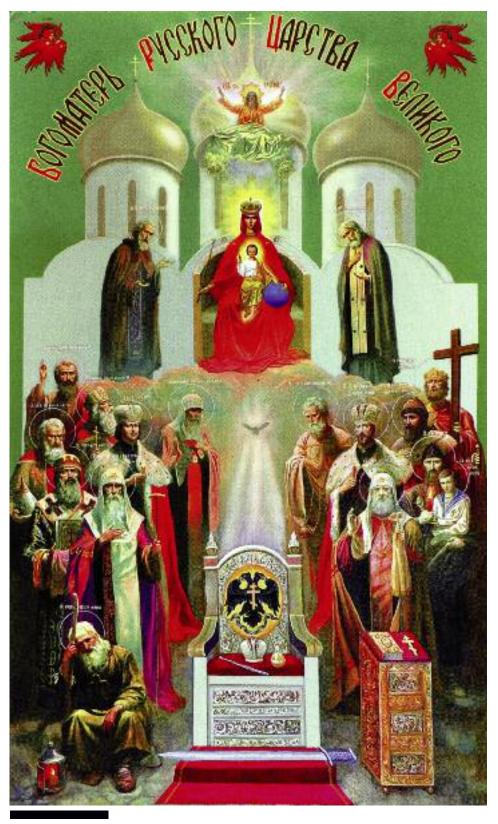
не греки и не латиняне), люди общей судьбы, неотделимой от судьбы империи.

Древняя Русь может воевать с Византией и одновременно принимать от нее крещение. Московское царство способно провозглашать себя продолжателем Византии - Третьим Римом — взамен падшего Второго, а у Российской империи получалось создавать свою черноморско-азовскую Византию от Одессы до Мариуполя, а потом бороться за освобождение Царьграда и Балкан от турок. В современной России возникают теории нового «Византийского содружества наций» и «Русского мира». Историческая и воображаемая Византии остаются на протяжении более чем тысячи лет «значимым Иным», абсолютной точкой отсчета - противником, конкурентом, образцом для подражания, источником истинной веры, мерилом царской власти, эталоном «симфонии»

Церкви и государства, ресурсом исторической легитимности, идеализированной моделью для древнерусского и российского развития. А ментальные, воображаемые карты, как известно, определяют направление политической экспансии, формируют историю и корректируют карты политические.

В современной постсоветской и посткоммунистической России уже более двух десятилетий идет поиск нового исторического курса развития страны и его обоснования. В фокусе общественного внимания находится несколько историософских концептов и вариантов возможной российской идентичности. Среди наиболее известных - разработанных и популярных в общественном мнении - следует выделить следующие.

Во-первых, евроцентризм. Сторонники этого сценария ставят превыше всего интеграцию России в западноевро-

Неовизантийство основано на православной конфессиональной или восточнохристианской цивилизационной идентичности, для которых важными являются представления об особой эсхатологической миссии православной империи.

> пейский мир, заимствование западных социальных стандартов, европеизацию страны

и модернизацию – пусть даже по «догоняющей» модели. Адепты альтернативных кон-

цептов подобные установки нередко презрительно называют «либерализмом», а их сторонников «либералами». Между тем большинство таких «либералов» начиная с Петра Чаадаева и западников – такие же сторонники «особого пути» России, как и славянофилы. Просто российскую особость они нередко рассматривают как недостаток, а не как достоинство или ресурс развития. Во-вторых, евразийство и неоевразийство, апеллирующие к стратегическому союзу славян и тюрок, православных и мусульман и интерпретирующие развитие России как самобытной евро-азиатской страны-цивилизации, в которой гармонично соединены преимущества Запада (Европы) и Востока (Азии).

В-третьих, неосоветские проекты, основанные на надежде возродить империю на идеях неокоммунизма, коллективизма, общинности, русского социализма, «красного проекта», «советского Модерна» и иных вариантов левого утопизма и ностальгии по Советскому Союзу.

В-четвертых, панславизм и национализм. Они стремятся интегрировать восточных славян на основе этнокультурного либо этнобиологического критерия. Такая интегрия мыслится в двух вариантах. Либо в имперском максималистском формате объединения России, Украины и Беларуси. Либо в антиимперском минималистском виде так называемой Республики Русь государства, состоящего лишь из славянских регионов Российской Федерации (без Поволжья, Северного Кавказа, Бурятии и др.). Сюда же примыкают и откровенно расистские проекты, основанные на идее интеграции белой (индоевропейской) расы в масштабах всей Европы.

В-пятых, неовизантийство, основанное на православной

конфессиональной или восточнохристианской цивилизационной идентичности, для которых важными являются представления об особой эсхатологической миссии православной империи («катехон», «самодержавие», «тысячелетнее царство», «симфония властей» и т.д.).

Приведенная историософская концептология упаковывается в форматы традиционных идеологий - консерватизма, социал-демократии, либерализма, либертарианства, даже популизма (примечательно, что лишь идеология солидаризма остается невостребованной). А также в те или иные идейные рамки - патриотизм и национализм, имперская экспансия и великодержавность, интернационализм и мультикультурализм, изоляционизм и автаркия, антизападничество и ксенофобия, рынок и демократия, монархизм и теократия и т.д.

За последнее десятилетие появилось также немало гибридных и комбинированных программ и политико-идеологических концептов, эксплуатирующих различные элементы указанных выше историософских проектов - «суверенная демократия», «Русская доктрина», «Проект Россия», «историческая Россия», «государство Русь», «Русский мир», Евразийский союз, Пятая империя, просвещенный консерватизм, просвещенная конституционная монархия и т.д. Однако чаще всего они изложены не в виде реалистических стратегий, продуманных и научно обоснованных политических программ и понятных для общества идей, но в форме историософских «прозрений» или идеократических утопий (нередко тоталитарных). Согласно подобным взглядам «всеобщее счастье» достижимо лишь в случае, если Россия (российская власть) «прозреет» - воспри-

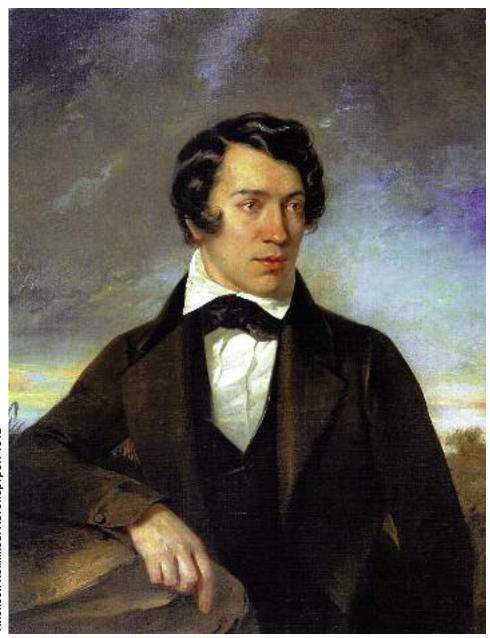

Постмодернистским апофеозом темы особого пути стала концепция «суверенной демократии» Владислава Суркова (2006) год), в которой «просвещенный авторитаризм» российской власти объяснялся необходимостью противостоять «цветным» революциям.

мет какую-то из особенностей народа или элемент его идентичности как «путеводную звезду» и поплывет к берегу очередной «земли обетованной», причем желательно под руководством какого-либо «вождя-суверена» или правящей партии, являющейся политическим монополистом. Несложно заметить, что все эти проекты, а также их многочисленные гибриды и разновидности (за исключением большинства вариантов европоцентризма) исходят из представления об особом историческом пути России и абсолютизируют какую-либо одну из сторон российской идентичности: русскость, славянство, православие, славяно-тюркский симбиоз. Со стороны власти посыл об особом пути обычно формулируется приблизительно следующим образом: «Мы (Россия, русский народ) - страна с особым (уникальным) путем развития, поэ-

тому нам завидуют соседи, поэтому нас ненавидят враги (прежде всего Запад), поэтому у нас нет друзей. Кроме, разумеется, собственных армии и флота». И дальше – вполне политтехнологический мобилизационный вывод: «Поскольку нас все хотят уничтожить, мы должны теснее сплотиться вокруг правящей верхушки (великого князя, царя, императора, Сталина и компартии, Путина и "Единой России"), не ставить под вопрос легитимность такой власти и согласиться с ее полным монополизмом (самодержавством) и неподконтрольностью».

Подобное понимание особости развития России является стандартной управленческой технологией, общим местом в российском властном политическом дискурсе. Постмодернистским апофеозом темы особого пути стала концепция «суверенной демократии» Владислава Суркова (2006 год),

Алексей Хомяков. Автопортрет. 1842

Идеологи особого пути снизу говорят обычно об исключительной ответственности России перед мировой историей и высшими силами (Провидением, Богом, Судьбой), о вселенскости и универсальности отечественного исторического опыта, о специфической природе сердечного созерцания как уникальной формы познания мира, о проникновенном понимании человека в православных культурах и т.п.

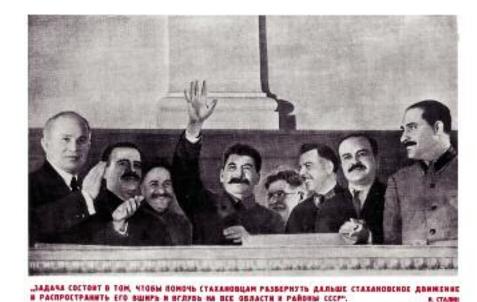
> в которой «просвещенный авторитаризм» российской власти объяснялся необходимостью противостоять «цветным» революциям. Революциям, инспирированным «врагами из-за бугра» и поддержанным «внутренними предателями» (оппозицией, «аген

тами влияния»). Схожие мотивы «особого пути» и «России как осажденной крепости» присутствуют и в риторике Владимира Путина – например, в его президентской избирательной кампании 2012 года. Но у общества имеются совсем иные представления об «особом пути», либо никак не связанные с политическим принуждением, либо вменяющие государству логику поведения, основанную на определенных религиозно-культурных ценностях, не служащих интересам политической элиты. Фактически налицо два различных типа идеологий особого пути, различающихся по своему происхождению, целям, задачам и методам описания.

Первый — это особый путь как идеология снизу, или философские, исторические, историософские, общественнополитические рефлексии российского образованного класса на тему развития России. Инициатива появления таких идеологий исходит снизу, от общества, и сами идеологи, как правило, не преследуют каких-либо утилитарных целей угодить власти. Например, славянофилы - одни из наиболее последовательных пропагандистов особого пути России – периодически притеснялись властью. Так, в 1832 году был закрыт журнал Ивана Киреевского «Европеец», а в 1848 году Юрия Самарина краткосрочно заключили в Петропавловскую крепость за его «Письма из Риги». Иван Аксаков в 1868 году стал жертвой цензуры – суд остановил издание его газеты «Москва», а самому мыслителю запретили заниматься журналистикой в течение 12 лет, а позже даже выслали из Москвы - за излишнюю инициативу как раз в славянском вопросе. Алексей Хомяков, Николай Гоголь, Федор Достоевский, Константин Леонтьев, Владимир Соловьев, проповедавшие особый путь России, получали скорее неприятности от властей, чем какие бы то ни было бонусы. Да и общество относилось к их взглядам в этом вопросе по большей части с недоумением.

Второй тип — особый путь как идеология сверху. Это идеологические и пропагандистские стратегии государства, направленные на сугубо утилитарные задачи - усиление легитимности власти, сохранение и упрочение политического режима, повышение роли государства и степени государственного патернализма, подчинение Церкви государству, ослабление гражданского общества, борьбу с вольнодумством и оппозицией, имперскую экспансию вовне.

Идеологи особого пути снизу говорят обычно об исключительной ответственности России перед мировой историей и высшими силами (Провидением, Богом, Судьбой), о вселенскости и универсальности отечественного исторического опыта, о специфической природе сердечного созерцания как уникальной формы познания мира, о проникновенном понимании человека в православных культурах и т.п. Идеологи провластной версии особого пути выстраивают аргументацию иначе. Они указывают на априорные права власти и государства и оправдывают особым путем мобилизационный тип развития страны, неэффективность существующего политического режима, отсутствие верховенства права, слабое развитие современных социально-политических институтов. Ссылками на непохожий на других способ существования объясняют подчас и монопольное положение и произвол бюрократии, ликвидацию гражданских и политических свобод, установление авторитарного или тоталитарного режима, узурпацию власти, а также имперскую экспансию и захват чужих территорий. Российская провластная политическая мысль еще во времена Николая І сформулировала теорию «официальной народности» - знаменитую триаду графа Сергея Уварова «православие-самодержавие-на-

ШИРЕ РЯДЫ СТАХАНОВЦЕВ!

Идеологи провластной версии особого пути оправдывают особым путем мобилизационный тип развития страны, неэффективность существующего политического режима, отсутствие верховенства права, слабое развитие современных социальнополитических институтов.

родность» (1833 год), ставшую матрицей для последующих охранительно-консервативных идеологем. В России византизм и концепты восточнохристианской цивилизационной идентичности на протяжении нескольких последних веков также задействованы в

генерировании представлений об «особом пути». Причем представлений как снизу, так и сверху.

Византизм снизу – это прежде всего идеи восточнохристианского цивилизационного пространства, проекты «Византийского содружества наций» (Димитрий Оболенский), православного мира, образы Святой Руси, «тысячелетнего царства» и т.д. Обыкновенно в этих и подобных взглядах речь идет о справедливости, соборности, социальной солидарности и о горизонтальных формах добровольной геополитической интеграции, а не о чьем-либо политическом доминировании.

Византизм сверху - это в первую очередь имперостроительные идеологии, направленные на вертикальную интеграцию вокруг Москвы и России различных народов и государств. Их российский политический режим использует в своих внутриполитических и внешнеполитических интересах. После распада Советского Союза византизм сверху, византийский регистр в официальной идеологии долгое время был востребован лишь в маргинальных интеллигентских «патриотических» кругах. Однако в начале 2000-х на него обратили внимание и во властных коридорах, оценив мобилизационный потенциал подобной идеологемы, - зашла речь о концепциях православной цивилизации, поствизантийского пространства, «Русского мира», Третьего Рима и т.п.

Восточная Европа как поствизантийская цивилизационная общность

Каждая из историософских интерпретаций специфическим образом трактует цивилизационную сущность России. Указывается на принадлежность нашей страны и культуры к самым разным цивилизациям. Например, к европейской, евразийской, славянской, восточнославянской, православной. Приводятся и другие определения - российская, русская, индоевропейская, советская, восточнохристианская цивилизации. И каждая такая

идентификация специфическим образом соотносит Россию и Восточную Европу.

Само понятие Восточной Европы было изобретено западноевропейскими интеллектуалами в эпоху Просвещения для обозначения территорий и народов, занимающих промежуточное место между «цивилизацией» (Западной Европой) и «варварами» (Азией). В XVIII веке таковыми являлись еще не разделенная Речь Посполитая с православными белорусскими и украинскими землями и Российская империя.

В послевоенном мире сложилась устойчивая практика понимать под Восточной Европой страны, занятые к окончанию Второй мировой войны Советским Союзом и вынужденные до конца 1980-х годов развиваться по социалистической модели, быть союзниками СССР по Варшавскому договору и Совету экономической взаимопомощи. В число таковых входили ГДР, Польша, Чехословакия, Югославия, Венгрия, Болгария, Румыния. Распад социалистического блока, а затем и СССР размыл понятие Восточной Европы и ее географический образ - ныне под ней понимаются и бывшие советские республики, географически принадлежащие к Европе, и бывшие страны социалистического лагеря, и новые члены Евросоюза. Для отмежевания прочей Восточной Европы от России было даже предложено понятие - Центрально-Восточная Европа.

Однако если раньше Восточная Европа определялась как политическое пространство, то в настоящее время ее уместно идентифицировать как пространство преимущественно культурно-географическое и цивилизационное. Как ареал распространения восточнохристианской (восточноевропейской) цивилизационной

идентичности. Как регион, который в византинистике ретроспективно называется «Визайнтийское содружество наций». Как совокупность стран, в которых православие (шире — восточное христианство) исповедуется большинством населения и является основой культурной идентичности. Можно выделить 13 государств, соответствующих названному критерию. Это бывшие союзные республики Армения, Беларусь, Грузия, Молдавия, Россия, Украина. Страны (или их части), входившие в соцлагерь, - Болгария, Македония, Румыния, Сербия, Черногория. А также Греция и Кипр. Окраинами восточнохристианской цивилизации следует считать ареалы распространения православия на Ближнем Востоке, в Северной Африке, Северной Америке и некоторых других регионах. А также ареалы влияния древних восточнохристианских Церквей в Эфиопии, Египте и на Ближнем Востоке.

При этом пространство восточнохристианской цивилизации не выглядит гомогенным: на него накладываются разнообразные геополитические и геокультурные границы. Например, граница распространения Магдебургского права, которого не существовало в России (за исключением Смоленска и небольших городов — Дорогобужа, Рославля и Невеля). Однако это право сыграло ключевую роль в формировании украинской и белорусской политических культур, развив в них городское самоуправление, представления о свободе и нефеодальные социальные и политические практики.

Требуют коррекции и представления о восточнохристианской цивилизации как возможном большом субъекте развития и международной политики. Страны, в которых

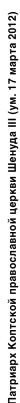

ся западное христианство (католицизм или протестантизм), имеют множество эффективных и влиятельных международных институтов, позволяющих им чувствовать себя единой цивилизацией, консолидированным историческим субъектом (Ватикан, Евросоюз, НАТО и др.). А вот страны восточнохристианского ареала практически не имеют подобных структур. Единственной такой международной организацией является Европейская межпарламентская ассамблея православия со штаб-квартирой в Афинах, но о ее каком-либо влиянии на международные дела говорить не приходится. У стран восточнохристианского цивилизационного ареала есть немало внутренних противоречий и взаимных претензий. Более того, отсутствуют даже проявления какой-либо политической солидарности и потребности оказывать взаиВизантизм сверху - это имперостроительные идеологии, направленные на вертикальную интеграцию вокруг Москвы и России различных народов и государств. В начале 2000-х на него обратили внимание во властных коридорах, оценив мобилизационный потенциал подобной идеологемы.

мопомощь друг другу. (Едва ли не единственный пример из недавнего прошлого - сочувствие со стороны цивилизационно близких народов и дипломатическая помощь от России во время военной операции НАТО против Сербии в 1999 году.) А многочисленные усилия российского руководства и дипломатии по созданию интеграционных структур и объединений на постсоветском пространстве (ЕврАзЭС, ОДКБ, Таможенный союз, Евразийский союз) предусматривают объединение по принципу не цивилизационной близости, а евразийского взаимопонимания и лояльности элит бывших республик СССР Кремлю. Создать влиятельный союз православных стран -

идея эстетически привлекательная, но в нынешних условиях бесперспективная и мало кому из политиков приходящая в голову. Поэтому следует подчеркнуть нетождественность цивилизационной и геополитической идентичностей: геополитические границы могут самым причудливым образом накладываться на границы цивилизационные.

«Осевыми» (по Арнольду Тойнби), или «стержневыми» (по Сэмюэлю Хантингтону) государствами, ядрами восточнохристианской цивилизации в современном мире следует считать Грецию, Россию и Украину. Грецию - как непосредственную наследницу Византийской империи, как продолжательницу эллин-

Окраинами восточнохристианской цивилизации следует считать ареалы распространения православия на Ближнем Востоке, в Северной Африке, Северной Америке и некоторых других регионах. А также ареалы влияния древних восточнохристианских Церквей в Эфиопии, Египте и на Ближнем Востоке.

> ской культурной традиции, как очаг и своеобразный эталон православия. Россию как символическую преемницу Византии и единственное на протяжении нескольких веков независимое православное государство, как единственную страну восточнохристианской традиции, претендующую (пусть пока и без особого успеха) на статус сверхдержавы.. Украину – как центр наиболее значительной рецепции православного христианства в средневековом мире, как прямую наследницу Древней Руси, как генератора церковной и светской модернизации для всего славянского мира в XVII-XVIII веках, как самую большую в современном мире страну по числу

православных верующих с высокой интенсивностью религиозной жизни.

До середины XV века единственным «осевым» государством, метрополией православного мира являлась Византия. Ее падение в 1453 году завершило эпоху, когда православный мир был мощнейшим генератором культурных инноваций и цивилизационных импульсов для всей Европы в целом.

Россия (Великое княжество Московское, Московское царство, Российская империя) не стала правовым государством (государством правового порядка) в том понимании, в котором таковым была Византия. Не оказалась она в полной мере и наследницей

византийского духовно-идеологического и религиозно-мистического опыта, сохранившегося в российских условиях лишь в усеченном виде — в монашеской аскетической традиции. Среди представителей этой традиции - нестяжатели, преподобные Нил Сорский и Паисий Величковский, иноки Оптиной пустыни и Афона. Сюда же можно отнести философские искания ранних славянофилов. Симптоматично, кстати, что даже тема исихастских споров, актуальная в Византии в середине XIV века, в России стала предметом заинтересованности лишь на рубеже XX и XXI веков.

Как бы это ни казалось парадоксальным, но в некотором отношении те же Соединенные Штаты, считающиеся квинтэссенцией Запада, с их приверженностью римскости и римскому наследию имеют больше оснований считаться ретрансляторами византийской культуры, чем Россия,

Греция и иные цивилизационно близкие им страны.

С точки зрения цивилизационного деления, Западной Европой следует именовать романо-германские и англосаксонские страны, для которых историческими религиями являются католичество и протестантизм. (К этой же общности уместно также причислить Финляндию, но неуместно - членов Евросоюза Грецию и Кипр.) Центральную Европу в таком случае следует рассматривать как цивилизационную окраину Западной Европы. В нее входят страны западнохристианского ареала, которые не принадлежат к семьям романо-германских и англосаксонских народов. Среди них Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, Словения, Хорватия, а также Эстония, Латвия и Литва (открытым остается вопрос о принадлежности к центральноевропейскому ареалу преимущественно исламских Албании и Боснии и Герцеговины). Таким образом, Восточная Европа в современном актуальном поСоюз православных стран – идея эстетически привлекательная, но в нынешних условиях бесперспективная. Цивилизационная и геополитическая идентичности в данном случае нетождественны: геополитические границы могут накладываться на границы цивилизационные.

нимании - это не социалистическая Европа Варшавского договора, а Европа восточнохристианской традиции культурная наследница Византии и «Византийского содружества наций».

Россия: страна-цивилизация или часть восточнохристианской цивилизации?

Вопрос о цивилизационной природе и принадлежности России может считаться еще одним вечным русским вопросом - наряду с традиционными «кто виноват?», «что делать?» и многовековым спором славянофилов и западников.

Поиск ответа на него ведется, как правило, путем уточнения координат России – и на географической карте мира, и в мировой истории. Россия часть Запада (Западной Европы)? Часть Азии? Механическое соединение Европы с Азией? Творческий синтез Европы и Азии? Нечто третье, не имеющее прямого отношения ни к Европе, ни к Азии?

Цивилизация – это прежде всего общность на основе универсальной картины бытия, идентичных или похожих представлений о человеке, Боге, мире, вечности. И лишь потом - культурный или хозяйственный феномен, способ консолидации и самосохранения больших социальных групп.

Если отталкиваться от понимания природы цивилизационной общности в духе традиции Данилевского-Шпенглера-Тойнби-Хантингтона, то цивилизации следует понимать как культурно-истори-

Ядра восточнохристианской цивилизации в современном мире - Греция, Россия и Украина. Греция - как непосредственная наследница Византийской империи, как продолжательница эллинской культурной традиции, как очаг и своеобразный эталон православия.

> ческие типы, как универсальные матрицы социального существования и развития, основанные на определенной сакральной вертикали и трансцендентных ценностях. С этой точки зрения, Россию надлежит считать страной, принадлежащей к восточнохристианской цивилизации с иноцивилизационными вкраплениями (прежде всего исламским и буддистским). Однако подобная идентичность, будучи концептуально, научно и гносео-

логически корректной, вызывает разные политические толкования. В российском идеологическом пространстве большее распространение получили представления о России как стране-цивилизации, чьи государственные и цивилизационные границы практически совпадают (в некоторых концептах цивилизационные границы совпадают не с государственными границами Российской Федерации, а с границами воображае-

мой «исторической России»). Говорить о российской цивилизации (или о России как стране-цивилизации) уместно лишь в метафорическом значении. При подобной интерпретации за основу цивилизационной идентичности принимается не духовная культура, не «сакральная вертикаль», не конфессиональная принадлежность (или конфессиональное тяготение) населения, не историческая традиция, а культура материальная, способ социальной организации, тип политической системы, политическая целесообразность и т.д. В этом смысле Россия не попадает под определение страны-цивилизации - в отличие от Китая, Индии и Японии (сюда же нередко относят и Израиль), поскольку невозможно выделить универсальный надэтнический и наднациональный признак, объединяющий всех жителей России в одну цивилизационную общность. Разумеется, признаки и факторы, объединяющие всех россиян, существуют. Но они имеют не универсальный и не наднациональный характер, а характер, обусловленный единством (реально существующим либо искомым) политической нации (например, обшностью исторической судьбы), а также советским наследием и советским образом жизни (которые, надо заметить, не относятся к устойчивым признакам и не являются общими для всего бывшего Советского Союза). С точки зрения цивилизационной идентичности, Россию следует интерпретировать как часть восточнохристианской (восточноевропейской) цивилизации, причем часть «осевую» (наряду с Грецией и Украиной), цивилизационнообразующую, генера-

Подобное представление России как части восточнохристианской цивилизации, а не как самодостаточной российской цивилизации, с точки зрения властной политической и идеологической позиции, небезопасно - оно может нарушить баланс во внутрироссийской идентичности и усилить напряженность между православными славянами и непра-

тора универсальной идентич-

ности. Хотя и имеющую также иноцивилизационные

вкрапления.

вославным населением представителями традиционных конфессий (ислама и буддизма). Кроме того, это лишает власть монополии на идеологический дискурс: Россия делается открытой - по отношению если и не ко всему

миру, то хотя бы к цивилизационно близким странам. Историософская мысль и официальная пропаганда на различных геополитических и общем прошлом и желаемом общем будущем славян и тюрок (или народов Кавказа), православных и мусульман. Для диалога с Беларусью панславизм и советская идентичность. Для культурного и политического продвижения на «украинском» направлении в последние годы ис-

пользуется концепция

«Русского мира», со-

которой гласно Украина одновременно является «млалшим братом» России, и истоком Руси прародиной и древнерусской, и современной российской государственности. Но в качестве политкорректного и усредненного используется именно представление о России как стране-цивилизации – в нем фактически уравновешиваются четыре идеологических вектора - европеизм,

Кроме того, представление о России как стране-цивилиза-

евразийство, панславизм и

Россия – символическая преемница Византии и единственное на протяжении нескольких веков независимое православное государство, единственная страна восточнохристианской традиции, претендующая (пусть пока и без особого успеха) на статус сверхдержавы.

православие.

геокультурных азимутах используют различные идеологические концепты, различные регистры всего многообразия российской идентичности. Так, для диалога с преимущественно мусульманскими регионами Поволжья и Северного Кавказа, а также с Казахстаном и странами Центральной Азии в ход идут евразийские аргументы - об

ции, чьи государственные границы совпадают с цивилизационными, хорошо укладывается в тему особого исторического пути страны как «осажденной крепости», у которой нет друзей и добровольных союзников, но есть только враги, стремящиеся ее захватить, расчленить и уничтожить, а также их пособники внутренние предатели.

Киево-Печерская лавра

Украина – центр наиболее значительной рецепции православного христианства в средневековом мире, прямая наследница Древней Руси, генератор церковной и светской модернизации для всего славянского мира в XVII-XVIII веках, самая большая в современном мире страна по числу православных верующих с высокой интенсивностью религиозной жизни.

> Позиционирование России как страны-цивилизации имеет свою логику и своих выгодоприобретателей – властную элиту, решающую подобным образом некоторые государственные вопросы (сохранение единства политической нации) и обеспечивающую собственные корпоративные интересы (упрочение легитимности в глазах общества). Да и усиление в российской идентичности восточнохристианской составляющей не приносит каких бы то ни было ощутимых сиюминутных геополитических бо

нусов. Так, отношения с Украиной, Беларусью и Молдавией строятся не на цивилизационной основе, а на фундаменте ностальгии по СССР и поиске реальных или мнимых экономических интересов. Отношения с Грузией испорчены вооруженным конфликтом 2008 года и последующим признанием Москвой независимости Абхазии и Южной Осетии. А отношения с Грецией, Сербией, Румынией или Болгарией не относятся к приоритетам российской внешней политики.

Более значительное место цивилизационная идентичность занимает в самосознании Русской православной церкви. На этой основе некоторые церковные иерархи и околоцерковные публицисты в последние годы пытаются развивать концепцию «Русского мира», или «исторической России» — в ней православие и «русскость» рассматриваются как геополитическая сила. Однако особой влиятельности и привлекательности за пределами России эти концепты пока не получили.

Возможен ли восточнохристианский миростроительный проект?

Кризис современного Запада в последнее десятилетие проявляется в виде не только демографического и политического наступления исламской цивилизации на Западную Европу и США и экономического и политического усиления Китая. Он проявляется главным образом в ощущении исчерпанности миростроительного проекта Модерна, в концептуальной опустошенности постмодернистских теорий и практик, которые так и не стали конкурентоспособным планом создания нового мира. Сам по себе переход к парадигме «столкновения цивилизаций» Хантингтона является симптомом гибели модернистских представлений о мире и бытии.

В режиме реального времени мы можем наблюдать попытки формирования новых миростроительных проектов - интеллектуальных концептов, авангардных по отношению как к Модерну, так и к Постмодерну (Сверхмодерн, Альтермодерн, Неомодерн, Археомодерн, консервативно-революционные доктрины и т.д.).

Восточнохристианская цивилизация имеет в своем арсенале определенное количество представлений, явлений и феноменов, которые могут быть востребованы в качестве социальных и антропологических инноваций при моделировании новых проектов бытия современного человечества. Важнейшим достоянием восточнохристианской цивилизации и национальных культур составляющих ее народов является антропология - представления о человеке, его природе, возможностях, жизненных задачах, посмертном существовании, социальной функции. Различия между восточнохристианской и западнохристианской цивилизациями начинаются именно с антропологических установок - с представлений о смысле жизни и смерти, о грехе, спасении, преображении, должном и недолжном, о тру-

Как бы это ни казалось парадоксальным, но в некотором отношении те же Соединенные Штаты, считающиеся квинтэссенцией Запада, с их приверженностью римскости и римскому наследию имеют больше оснований считаться ретрансляторами византийской культуры, чем Россия, Греция и иные цивилизационно близкие им страны.

де и посмертном воздаянии. Из них, в свою очередь, вытекают представления о государстве, обществе, Церкви и конце света.

Центральным в православной антропологии и сотериологии (учении о спасении и искуплении) является представление о теозисе, обожении человека.

Для диалога с Беларусью годятся панславизм и советская идентичность. Для культурного и политического продвижения на «украинском» направлении - концепция «Русского мира». Согласно этой концепции, Украина – и «младший брат» России, и исток Руси.

> Отцы Восточной церкви говорили об изначальной расположенности человеческой природы к обожению, стяжанию божественных энергий, единению с Творцом на энергийном уровне. Святой Афанасий Александрийский так сформулировал эту максиму: «Бог стал человеком, чтобы человек стал Богом».

> «Идеальный» человек в православии - это человек, взятый в некоем трансцендентном масштабе, человек, стремящийся к обожению и преображению, человек, выходящий за онтологические и антропологические пределы, человек-абсолют. Характерно, что в православной этике подобный антропологический мак-

симализм фактически рассматривается как норма существования, а не как экстремальная жизненная стратегия для ограниченного круга духовных подвижников.

С XVIII века секуляризация постепенно уменьшала значимость религиозных антропологических представлений для стран восточнохристианского мира. Однако типологически близкие модели прорастали и в светской культуре. Скажем, классическую русскую литературу XIX и даже отчасти XX веков можно рассматривать как специфическую форму духовной практики. Некоторые исследователи обнаруживают в ее основаниях, смыслах, образной системе и изобразительных

средствах архетипы соборности и пасхальности (Иван Есаулов). Примечательно, что ее типический положительный герой - не деятель, а созерцатель, человек преображенный, человек, вставший на путь духовного обновления. Подобная же проблематика «прорастает» даже в советском кинематографе, хотя кино – наиболее зависимый от государства и официальной идеологии вид искусства. Здесь можно назвать фильмы Александра Довженко, Андрея Тарковского, Сергея Параджанова, украинское «поэтическое» кино, грузинское кино 1960-1970-х, отдельные анимационные фильмы Юрия Норштейна и Эдуарда Назарова.

Совершенно иные антропологические представления просматриваются в фундаменте западноевропейской культуры: в контексте католической (а позже и протестант-

ской) доктрины «идеальный» (точнее, «нормальный») человек лишен, по большому счету, подобных максималистских интенций. Трансцендентный опыт расценивается как удел немногих избранных, сосредоточенных на проблеме спасения и искупления. «Нормальный» человек озабочен проблемой земного существования, а не жизни вечной проблемы обожения для него не существует.

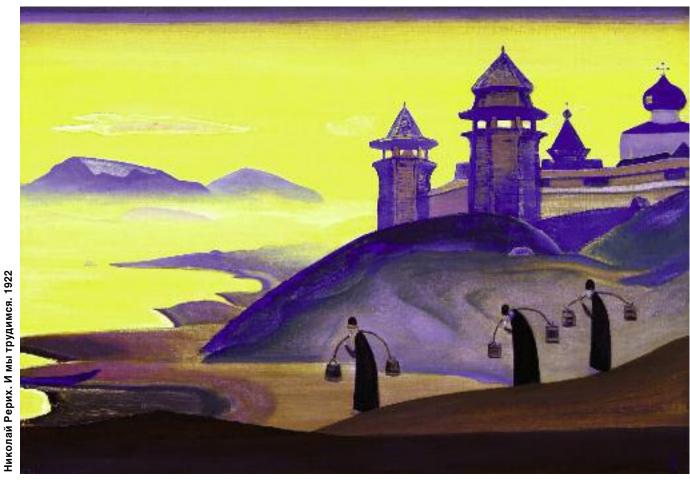
Разумеется, в западноевропейской культуре еще во времена Ренессанса появляется образ «максимального человека», который позже развивается в алхимических и мистических учениях, у итальянских гуманистов, в масонстве, у романтиков, у Гете, Гегеля, Макса Штирнера, Ницше, Хайдеггера, Генона, де Шардена, в современном трансгуманизме и пр. Но с точки зрения влияния на общественное развитие, это были немассовые Некоторые церковные иерархи и околоцерковные публицисты в последние годы пытаются развивать концепцию «Русского мира», или «исторической России» – в ней православие и «русскость» рассматриваются как геополитическая сила.

течения. Мейнстрим западноевропейской социальности задали иные мыслители – Августин, Фома Аквинский, Декарт, Гоббс, Локк, Адам Смит, Кант, Поппер, фон Хайек. Доминантным в западной культуре стало представление о «минимальном человеке» -«человеке юридическом», «человеке экономическом», «человеке физиологическом».

В современном мире прежняя модель человека, созданная в недрах западной религиозности и культуры, терпит глубокий экзистенциальный и когнитивный кризис - кризис духа, кризис души. Западная цивилизация способна быть генератором новых промышленных технологий и научных открытий, но уже, по

всей видимости, исчерпала свои возможности по генерированию новых смыслов существования человека, новых антропологических представлений.

Неслучайно сейчас многие духовно углубленные европейцы и американцы, разочаровавшись в католичестве или протестантизме, а то и вовсе утратив веру, ищут себя в иных религиозных традициях, в которых присутствуют (или декларируются) представления о трансцендентном опыте, буддизме, индуизме, мистических течениях ислама, зороастризме, православии, неосинтетических и эзотерических культах, «Нью эйдж», Каббале. В подобной ситуации православная максима-

Важнейшим достоянием восточнохристианской цивилизации и национальных культур составляющих ее народов является антропология - представления о человеке, его природе, возможностях, жизненных задачах, посмертном существовании, социальной функции.

> листская антропология получает шанс быть востребованной как концептуальная, мировоззренческая, ценностная основа для универсального проекта нового гуманизма, для творческого созидания обновленной и одухотворенной Вселенной, для модернизационных миростроительных проектов.

> Модель «закрытого» будущего, в котором предопределенность развития событий жестко детерминирована, осталась в эпохе Модерна. В последнее время в связи с усложнением глобальных связей и систем управления, появлением новых политических субъектов, развитием неформальных и сетевых со-

обществ, а также в связи с применением когнитивного оружия, гуманитарных технологий, технологий управляемого хаоса и ассиметричных стратегий актуально говорить уже об «открытом» будущем. Горизонт прогнозирования в условиях глобализации и повышенной социальной турбулентности приближается, вероятность развития событий детерминирована не так сильно, как раньше, а их вариативность значительно возрастает.

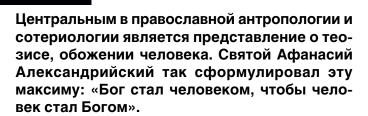
Будущее человечества все менее предопределено глобальными проектами, но все больше зависит от скоординированных и точечных усилий разнообразных амбициозных креативных сообществ.

В эпоху Модерна особенности восточнохристианской цивилизации являлись факторами, объективно уменьшающими ее конкурентоспособность и возможность влияния на общемировые процессы развития. Но в новой реальности создается ситуация, при которой прежние недостатки способны стать достоинствами и факторами конкурентоспособности, инновационности и креативного развития. «Максималистская» антропология, синергийное мироощущение, развивающее механизмы социальной солидарности, апофатическое богословие, открывающее дорогу постнеклассической гносеологии и новой рациональности, представления о высшей правде и всечеловечности, симфонизм, исихастские учения, неэмпирическое восприятие мира, присутствующие в культурном пространстве православных стран, все это позволяет работать с новым - сложным - человеком и с новой – значительно усложненной – реальностью. Генезис восточнохристианской идентичности таков, что идея универсализма заложена в нем на матричном уровне она наследуется из Античности и средневековой Византии. Однако на современном этапе развития такой универсализм не актуализирован это только возможность, а не сформированное конкурентное преимущество. Жизнеспособность восточнохристианской цивилизации, как и любой другой, зависит от креативного потенциала и способности генерировать инновации в масштабе всей мир-системы и не быть лишь реципиентом чужих влияний.

Приходится констатировать, что в российских условиях византийская тема и тема восточнохристианской (восточноевропейской) цивилиза-

основой для развития универсальных миростроительных проектов, оригинальных онтологических, гносеологических и антропологических представлений, новых картин мира. Именно в таких креативных усилиях, в подобной «мягкой силе» может быть явлена жизнеспособность России, Украины, Греции и иных стран восточнохристианского ареала и всей цивилизации в целом.

Однако политическая реальность в большинстве этих стран такова, что футурология и долгосрочное планирование не являются для них актуальными, а усилия гражданского общества и научных институций слишком слабы и разрозненны. Зато государство и властные группировки по мере необходимости используют византийскую и восточнохристианскую цивилизационные темы в своих утилитарных политических интересах, что с неизбежностью ведет к их

ционной идентичности используются прежде всего как технологии легитимации власти, придания ей сакрального ореола, расширения имперской экспансии, решения иных сугубо политических задач. Византизм является не главной отличительной чертой российской политической культуры, но напротив широко используемым инструментом идеологического воздействия и средством оправдания властного произвола.

В то же время идентичность и когнитивные ресурсы восточнохристианской цивилизации могут стать уникальной

вульгаризации и профанации. Византизм, византийское наследие, когнитивный арсенал восточнохристианской цивилизации, с точки зрения футурологических возможностей, являются ценным, но невостребованным ресурсом.

Постскриптум: SWOT-анализ восточнохристианской цивилизации

Эффективной методологией выявления конкурентных преимуществ той или иной цивилизационной общности является качественный стратегический анализ (SWOT-анализ), в котором рассматрива-

Иихаил Нестеров. На Руси (Душа народа). 1914–1916

Характерно, что в православной этике антропологический максимализм фактически рассматривается как норма существования, а не как экстремальная жизненная стратегия для ограниченного круга духовных подвижников.

> ется соотношения факторов силы, слабости, возможностей и угроз. С помощью такой методологии можно построить стратегию развития, в которой концентрация усилий и ресурсов субъекта тратится не на решение проблем, а на использование собственных возможностей. Таким образом, возникают предпосылки для того, чтобы взаимодействие субъекта (цивилизации в целом, а также составляющих ее стран) с иными субъектами происходило по модели смыслопорождения, генерирования инноваций и активных действий, а не по модели изначально проигрышного реактивного ответа на внешние вызовы. Итак...

Сила (Strength) преимущества субъекта

Наличие в мировой истории успешных и конкурентоспособных для своего времени государств, существовавших в контексте восточнорхристианской цивилизации, - Византийской империи, Древнерусского государства, Болгарского царства, Анийского царства (Армянского царства Багратидов), Грузинского царства эпохи Давида Строителя и царицы Тамары, Великого княжества Литовского, Российской империи, отчасти Советского Союза.

Культурное, духовное, религиозное, политическое, государствостроительное, правовое наследие Византийской (Восточной Римской) империи, сохраняющее в себе парадигму греко-римского цивилизационного универсализма.

Миростроительная субъектность Византии и Древней Руси как генераторов мощных культурных импульсов в масштабе всей средневековой Европы.

Наличие в истории примеров цивилизационной солидарности между государствами восточнохристианской цивилизации и их бескорыстной помощи друг другу (в том числе помощи по освобождению от ига и обретению независимости). Наличие сакральных центров и ценностных ориентиров (представления о Москве и Тырново как о Третьем Риме, о Киеве – как Втором Иерусалиме, о Святой Руси, о «катехоне», о всемирной миссии православного царства в последние времена, учение о Святой Софии как Премудрости Божией и т.д.).

Наличие богатого культурного наследия, признанного Западом и изучаемого иными цивилизациями в контексте достижений мировой культуры.

Развитое в русской, украинской, греческой, грузинской и других культурах экстатическое отношение к миру, возможность познания путем озарения, а не логических актов. Социально-политическое и технологическое наследие СССР, опыт советской альтернативной модернизации и создания оригинального миростроительного проекта, а также высокий уровень развития фундаментальной науки и образования, сравнительно высокий уровень развития человеческого капитала.

Возможность быстрой и эффективной социально-политической модернизации (пример современной Грузии). Этнокультурная и расовая гомогенность восточных христиан, относящихся к индоевропейской языковой семье (за исключением грузин, представителей большинства православных неславянских народов России - чувашей, татар-

кряшенов, вепсов, карелов,

удмуртов, а также молдавских и украинских гагаузов, православных арабов, финнов и албанцев).

Слабость (Weakness) недостатки субъекта

Недосформированность единой восточнохристианской цивилизационной идентичности. Низкий уровень цивилизационной солидарности и кооперации, отсутствие внутрицивилизационной геополитической, геоэкономической, идеологической и ценностной консолидации.

Отсутствие презентации в качестве самодостаточной цивилизации в глазах иных цивилизаний.

Тяжелый посттоталитарный синдром в ключевых странах цивилизационной общности (России, Украине, Беларуси). Конфессиональная и цивилизационная разделенность славянского мира. Наличие в историческом прошлом опыта религиозных или конфессионально окрашенных войн между различными славянскими народами и странами. Наличие исторического и актуального опыта вооруженных конфликтов между православными странами и народами (только после распада СССР: военный конфликт в Приднестровье, грузино-осетинский конфликт, российскогрузинская война 2008 года). Конфликтность этнокультурных идентичностей между родственными православными народами (одни могут не признавать существование либо самостоятельность и культурную самодостаточность других: великорусскоукраинско-белорусский, болгаро-македонский, сербо-черногорский, румыно-молдавский конфликты по поводу идентичности).

Отсутствие привлекательной и эффективной этики международных отношений (использование двойных стандартов, практика неисполнения международных договоренностей, распространенный образ православной страны как ненадежного союзника в международных отношениях). Кризис рационалистического христианского дискурса в культуре православных народов после гибели Византии (попытки его преодоления в середине XVII – начале XX веков не оказались однозначно удачными).

Отсутствие на сегодняшний день большого постиндустриального миростроительного проекта, выросшего в недрах восточнохристианской цивилизании.

Недоразвитость учений и социальных практик, гарантирующих свободу личности. Отсутствие успешной и конкурентоспособной в современных условиях социальной и трудовой этики, которая могла бы стать предпосылкой экономического чуда.

Сырьевая ориентация и высокая зависимость от внешних факторов российской и украинской экономик, низкий уровень интеграции в экономику знаний, экономический и финансовый кризис в Греции. Прозападная ориентация по-

литических элит большинства православных стран, неверие в среде этих элит в политическую конкурентоспособность восточнохристианского проекта. Отсутствие консолидированного субъекта – интеграционного геокультурного образа (подобного образу Запада в западнохристианской цивилизации).

Ордынское наследие в российской политической культуре. Низкая комплементарность российской моносубъектной и украинской полиархичной политических культур. Противоречия между российской и украинской политическими элитами. Противодействие со стороны таких противоречий появлению консолидирован-

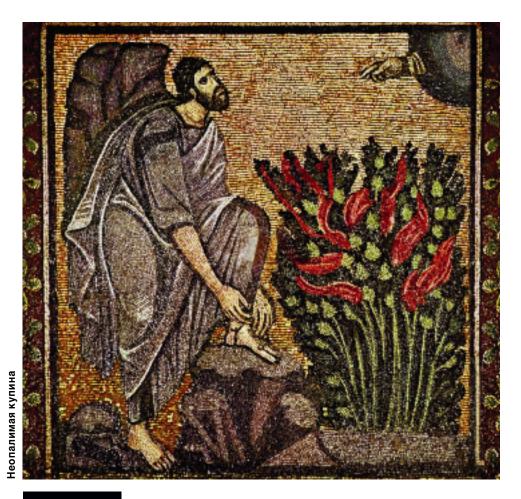
ного геоэкономического мегасубъекта в Восточной Европе. Неразвитость представлений о самодостаточности, уникальности, неповторимости, эксклюзивности восточнохристианской цивилизационной идентичности, распространение представлений о цивилизационной ущербности и недоевропейскости православных стран, устойчивые представления о нахождении генераторов общемирового развития исключительно в среде западной цивилизации.

Различные геополитические и геокультурные приоритеты у разных стран восточнохристианской традиции (Греция, Болгария и Румыния являются членами НАТО и Евросоюза, Украина, Грузия, Черногория и даже Сербия стремятся к интеграции в эти структуры). Распространенные традиции коррумпированности государственного аппарата. Присущий и России, и Украине феномен приватизации государства корпорацией чинов-

Слабость миссионерской деятельности православных Церквей в настоящее время, недостаточное использование языка современной культуры и арсенала современных информационных технологий (по сравнению с Католической церковью и протестантскими Церквями и сектами). Отсутствие православных монархических династий с легитимными претендентами на престол (за исключением потомков сербской династии Карагеоргиевичей).

Непризнанность восточнохристианской цивилизации Западом в качестве равного субъекта на всем протяжении ее существования. Использование Западом этики двойных стандартов по отношению к странам восточнохристианского ареала.

Ни одна из стран восточнохристианской цивилизации

«Максималистская» антропология, синергийное мироощущение, апофатическое богословие, представления о высшей правде и всечеловечности, симфонизм, исихастские учения – все это позволяет работать с новой – значительно усложненной – реальностью.

не входит в «золотой миллиард», элиты ни одной из этих стран полноценно не интегрированы в мировую элиту.

Отсутствие опыта успешной

Отсутствие опыта успешной жизни и успешного развития у стран восточнохристианской цивилизации в настоящее время — особенно в сравнении с западнохристианскими соседями.

Возможности (Opportunities) – благоприятные факторы внешней среды

Географическое положение и геоэкономические показатели, позволяющие выстраивать эффективные проекты с участием различных стран восточнохристианского ареала.

Относительная географиче-

ская компактность восточнохристианского мира — все входящие в него страны составляют единый массив с общими границами.

На восточнохристианской культурной основе возможно формирование принципиально новой максималистской антропологии, которая, в свою очередь, способна стать предпосылкой для создания нового мирового универсального миростроительного проекта. Наличие разработанного в богословии отцов Восточной церкви учения об обожении как синергии (со-творчестве) Бога и человека и соответствующих духовных практик (исихазм), апофатической гносеологии (постижение Бога через то, чем Он не является)

и синергийной методологии по отношению к вопросам свободы и благодати.

Развитие в восточнохристианских культурах представлений о социальной справедливости, а также представлений о высшей правде.

Общемировая известность бренда русской классической литературы и русской культуры. Избирательная известность некоторых произведений и феноменов украинской, сербской, болгарской, румынской, армянской, современной греческой культур. Наличие узнаваемых и признанных во всем мире деятелей культуры.

Возможность и необходимость формирования адекватного позитивного инструментального отношения к ценностям Модерна (путем как их переосмысления в восточнохристианском цивилизационном контексте, так и отыскания их аналогов и прототипов в византийской и древнерусской исторической ретроспективе).

Возросший интерес к православию, православному богословию и религиозной культуре в среде западной интеллектуальной элиты.

Наличие разработанных и актуализированных в культурной памяти православных народов эсхатологических представлений, позволяющих выстраивать стратегическое видение собственного развития и определять его сверхзадачи.

Наличие внутри цивилизационной общности оригинальных национальных политических культур и политических систем разного типа (российской, украинской, белорусской, сербской, греческой и др.) с широким диапазоном ценностных установок, представлений, традиций, стереотипов поведения, механизмов управления.

Использование в культурах православных народов нела-

тинских алфавитов - кириллического, греческого, армянского и грузинского (за исключением румынского языка, в котором после длительной борьбы утвердился латинский алфавит).

Сохранение некоторыми православными поместными Церквями старого стиля (юлианского календаря), сохранение празднования Пасхи по старому стилю новостильниками.

Относительно высокий уровень религиозности в православных странах в настоящее время.

Угрозы (Threats) – противодействие внешней среды

Несоизмеримость ресурсов и потенциалов России и остальных стран восточнохристианской общности, затрудняющая партнерство с Россией (Грузия, Украина и отчасти Беларусь рассматривают Россию как извечную угрозу собственному политическому и культурному суверенитету). Различный политический темперамент и уровень амбиций России и остальных стран восточнохристианской общности. Основанные на жестком моноцентризме власти традиции российской политической культуры.

Политическая напряженность между православными странами в современных условиях (российско-грузинская война 2008 года, ухудшение российско-украинских и даже российско-белорусских отношений и т.д.).

Планомерная интеграция стран восточнохристианского ареала в политические структуры Запада и его сферу влияния.

Отягощенность российской политической культуры имперским вирусом при явном отсутствии в неоимперской идеологии универсальности, привлекательности, конку-

рентоспособности. Подмена имперского дискурса этнонашионалистическим.

Искаженное представление о православном христианстве и культуре стран восточнохристианского ареала на Западе (в частности, представления о православном цезарепапизме, об обрядоверии, об отсутствии логоса в богословии и философии).

Распространенное в российском общественном и культурном сознании восприятие России как государства-цивилизации, что умаляет цивилизационную солидарность с иными православными странами. Появление на постсоветском пространстве феномена государства-корпорации. Логика

Іван IV Грозный

В российских условиях византийская тема используется прежде всего как технология легитимации власти. Византизм является не главной отличительной чертой политической культуры, но напротив - инструментом идеологического воздействия и средством оправдания властного произвола.

существования государствакорпорации размывает цивилизационные ценности и снижает цивилизационную солидарность в международных отношениях.

Усиление восточнохристианской цивилизационной идентичности в России рассматривается как гипотетическая угроза государству, поскольку она может привести к снижению политической лояльности неправославных народов.

Сравнительно низкий уровень жизни в странах восточнохристианской общности, непривлекательность постсоветского образа жизни в сравнении с западноевропейскими и даже центральноевропейскими странами.

Таким образом, очевидно, что восточнохристианская цивилизация, а также составляющие ее страны имеют в своем арсенале немало возможностей для выживания в условиях современной общемировой турбулентности развития, немало ресурсов для создания парадигм и траекторий субъектного инновационного движения в их дальнейшей истории.

Однако при этом по состоянию на текущий момент ее международно-политическая субъектность невелика, что затрудняет реализацию сценариев прорывного или скачкообразного развития и делает маловероятным получение лидерских позиций в современном мире в краткосрочной и среднесрочной перспективах.

Едва ли не главная слабость восточнохристианской цивилизации в целом и входящих в нее стран заключается в очевидности их недостатков и слабых мест и в неочевидности или малой известности их достоинств и конкурентных преимуществ.